

ГЛАВА 1

Дети — очень жестокие существа. Я знал это по своей прошлой жизни, а сейчас убедился еще раз.

— А это еще кто такой? — Высокий четырнадцатилетний блондин сделал вид, что обращается к своему товарищу, но я почувствовал исходящую от него волну интереса и неприязни.

— Форточник, — просветил блондина его товарищ — коренастый брюнет с бледной кожей. — Агапыч вечером привел. Говорят, выкинуло его не у стелы, а в родовом круге.

«Форточник», как я понял из несвязных объяснений того самого Агапыча, это по-местному «попаданец».

— Чернь! — пренебрежительно фыркнул третий — ярко-рыжий пацан с целой россыпью веснушек. — Безродный!

Мы стояли в коридоре просторного здания и ожидали, когда начнется первый урок в этой, как мне сказали, гимназии. Ну, как первый...

Для стоящих вокруг четырнадцатилетних ребят, наверное, первый, для меня — нет. Но об этом чуть позже.

Синие ученические мундиры, удобные брюки, сапоги и... интересный герб, встречающийся тут чуть ли не на каждом шагу. Меч, шестеренки и то ли книга, то ли крылья.

— Значит, так, новенький, поцелуй мой сапог! — Блондин тем временем принял какое-то решение и уставился на меня наглым взглядом, не забывая якобы невзначай поглаживать дворянскую нашивку на груди. — И я возьму тебя в свой клан!

Этот парень и его дружки успели обойти почти половину ребят, и теперь, похоже, настал мой черед.

Причем с другими они говорили негромко и особо вроде как не наезжали. А вот со мной... Может быть, дело в том, что я тут почти самый хилый на вид и вообще неместный?

— Ты что, оглох?

«Интересно, чего им надо? — думал я, невозмутимо рассматривая подошедшую ко мне троицу. — То, что эти трое решили подмять коллектив под себя, — ясно. Но зачем унижать-то? Лично мне плевать, кто будет тут самым главным. Понять бы, где я очутился...»

— Он, похоже, даже не адаптированный, — усмехнулся рыжий. — Эй, чухонец, ты меня понимаешь?

А вот такое спускать нельзя. Даже если появился в этом мире несколько часов назад и еще не разобрался в местных реалиях. Люди есть люди, дашь слабину — сожрут.

— Чухонца в зеркале увидишь, — ответил я, чувствуя, как в груди начинает разгораться раздражение... — Что до сапога, — я перевел взгляд на блондинчика, — пусть его твои шестерки целуют.

— Ах-ах-ах! — рассмеялся блондин, на чьем родовом гербе красовалась свинцовая туча, которую вспарывала ветвистая молния. — Пылаев, он тебя оскорбил!

Хм, похоже, блондин поумнее, чем его рыжий друг, который после моего отпора стал походить на помидор. По крайней мере, прямыми оскорблениями не разбрасывается. И стрелки-то как технично переводит...

— Дуэль! — прошипел рыжий. — Прямо сейчас!

— Ну-ну, мой друг. — Блондинчика, казалось, происходящее забавляет. — Прямо перед уроком? Да и потом, даже калибровки не дождешься?

— После калибровки! — скрипнул зубами рыжий, а я лишь пожал плечами.

— Да я вас и безо всяких дуэлей уделаю. — Я оценивающе посмотрел на третьего пацана, который создавал впечатление самого невозмутимого, а значит, и самого опасного из этой троицы.

— Ты? — расхохотался блондин. — Ты же безродный! Твоя мать наверняка какая-нибудь чухонка, как и твой отец. За мной же стоит семья, в которую желают попасть тысячи одаренных!

Я только что говорил, что блондинчик поумнее рыжего? Так вот, я ошибся.

— Зря ты так про маму, — криво улыбнулся я и пробил ему в подбородок.

— Мм...

Блондин тут же поплыл, и парнишке, что стоял слева, пришлось подхватить его под руку. Рыжий же радостно кинулся на меня, чтобы в следующий момент наткнуться на точный удар в «солнышко». Вот и вся драка. М-да... Я посмотрел по сторонам, но никто из парней, наблюдающих за нашим конфликтом, не сказал ни слова.

Да уж, влиться в коллектив будет непросто...

Вздыхнув, я покосился на последнего пацана, но тот и не думал качать права. Лишь метнул на меня нехороший взгляд и потащил своего дружка к стене. Третий же так и остался валяться на полу.

Ну и угораздило же меня! И это я не про местную гопоту... Не пойми где очутился, да еще и вокруг все такое непонятное: гербы, мундиры, будто попал в девятнадцатый, чтоб его, век.

А на все мои вопросы бородатый мужик, который меня нашел и отзывался на Агапыча, лишь гудел:

— Извольте подождать, ваше благородие, завтра вам все растолкуют.

Из воспоминаний меня вырвал голос одного из парней.

— Зря ты так с Громовым, — покачал вихрастой головой парнишка, который стоял ко мне ближе всех. — Теперь к нему в род уже не попадешь.

— Не очень-то и хотелось, — проворчал я, потирая кулак. Костяшки с непривычки ныли.

— Хороший род, — пожал плечами вихрастый. — Да и с Ги'Дэрека, считай, поссорился. И, — он кивнул на па-

ренька, пытающегося вздохнуть глоток воздуха, — с Пылаевыми.

— Да плевать.

— Не скажи, — покачал головой вихрастый и покосился на остальных одноклассников, распределившихся по коридору. — Они все-таки дворяне, а ты... ты форточник.

— А форточник — это?

Но вихрастый посмотрел на меня словно на пустое место, подошел к валяющемуся на полу рыжему и протянул ему руку.

Тот метнул на него гневный взгляд, но вихрастый ничуть не смутился.

— Не дури, Пылаев, учитель идет.

В глазах рыжего мелькнула опаска, и он ухватился за протянутую руку. А в следующий момент произошло что-то непонятное. От вихрастого к Пылаеву прокатилась едва ощутимая волна свежести, отчего рыжий тут же перестал ловить воздух ртом и выпрямился.

— После калибровки, — он со злостью посмотрел на меня, — в фехтовальном зале.

Я же с удивлением пялился на вихрастого, судорожно размышляя: то, что я сейчас ощутил, — мне показалось или нет?

Рыжий хотел было что-то добавить, но, видимо что-то услышав, отступил к пришедшему в себя Громову. Гимназист сверлил меня злым взглядом и, казалось, вот-вот кинется в драку. И единственное, что его сдерживало, — приближение учителя.

Сначала послышались шаги, а потом из-за угла вывернул высокий подтянутый мужчина в темном сюртуке. Не замедляя шага, он посмотрел на нас, поочередно остановив взгляд на мне, Пылаеве и Громове. Едва заметно усмехнулся, будто наша стычка не являлась для него секретом, и приглашающе распахнул дверь в аудиторию.

Я, немного помедлив, пожал плечами и первым зашел в класс. Уселся по привычке за первую парту первого ряда,

разложил перед собой выданные вчера Агапычем блокнот и карандаш и огляделся вокруг.

Стены побелены; потолки высокие, метра три; окна широченные, идущие по левой стороне класса. Четыре ряда одноместных парт по пять штук в каждом. Эдакий Царско-сельский лицей.

Составив впечатление о классе, я переключился на своих, хе-хе, будущих одноклассников. Громов, Ги'Дэрека и Пылаев заняли задние парты поближе к выходу и тут же принялись буравить меня злобными, как им казалось, взглядами. Вихрастый сел на последнюю парту первого ряда, а за ним потянулись и остальные.

Как я понял, благородные, а гербовые вышивки на груди у пацанов недвусмысленно намекали на принадлежность к роду, не жаловали первые парты.

Хотя... Я присмотрелся к пухлому пареньку, торопливо занявшему первую парту третьего ряда. Этот вроде был только рад своему месту, и я даже знаю почему. Либо он ботан, либо у него проблемы со зрением. Да, точно, это близорукое прищуривание ни с чем не спутать.

Запомнив на всякий случай его герб — шестеренки на фоне крепостной стены, — я перевел взгляд на своих соседей. За мной уселся здоровяк, одаривший меня хмурым взглядом, а справа расположился тощий пацан в здоровенных очках. Оба были без дворянских гербов. Помимо этих двух, дворянских нашивок не было еще у человек трех.

Большого увидеть я не успел. Впустивший нас в аудиторию мужчина плотно прикрыл за собой дверь и подошел к письменному столу.

— Добрый день, судари.

Высокий, как я уже упоминал, подтянутый, можно даже сказать спортивного телосложения. Глаза ярко-синие, лицо... породистое. Наверняка дворянин в каком-нибудь десятом поколении. Вот только вместо дворянской нашивки знакомый уже герб: меч, шестеренки и, наверное, все-таки крылья. Стоит у стола и с интересом осматривает наш класс.

Хотя чего там осматривать? Двадцать парней и ни одной девчонки. Все держатся особняком, кроме вышеупомянутой троицы, все старательно делают вид, что все идет по плану. Это и неудивительно — первый день как-никак.

На лице мужчины играла легкая полуулыбка, но в какой-то момент я почувствовал идущее от него недовольство. Поколебавшись пару мгновений — еще в выскочки запишут, — я все же встал из-за парты, приветствуя таким нехитрым способом нашего возможного преподавателя. Следом за мной поднялся хилый парнишка, близоруко щурящийся сквозь толстенные линзы очков, и засмуцавшийся чего-то толстячок.

Мужчина благосклонно кивнул, и спустя долгую секунду до остальных дошло, что неплохо было бы оторвать свои сидалища от стульев. Дождавшись, пока все поднимутся, он выждал несколько секунд и кивнул:

— Садитесь.

С задних парт донеслось едва слышное: «Позер!» — на что я лишь поморщился.

Понятно, что таким способом Громов пытается восстановить свою репутацию. Но, на мой взгляд, показывать свой дворянский гонор с первых секунд учебы — не самая лучшая идея.

Мужчина не обратил на шепоток ни малейшего внимания, но я почувствовал, как по спине отчего-то прокатился легкий ветерок беспокойства.

— Меня зовут Демид Иванович, ранг пять-пять-семь, и я ваш классный руководитель на ближайшие полгода. Некоторые из вас, — мужчина на мгновение задержал взгляд на мне, — попали сюда во время вчерашнего Прокла.

Он покосился в окно, и следом за ним туда же посмотрела половина класса.

— Эти ребята имеют смутное представление о том, куда попали. Большинство же из вас в той или иной степени местные и в курсе реалий нашего княжества. Тем не менее рекомендую внимательно меня выслушать. Зачастую ин-

формация, которую вы получаете в своих имениях и волостях, является неактуальной.

Я откинулся на спинку стула и сжал кулаки.

Голова лопалась от мыслей. Значит, княжество? А то, что со мной произошло вчера, называется Прокол... Так-так-так. Да и его речь... Интересно, этот Демид Иванович специально выражается таким... мм... казенным языком?

Бьюсь об заклад, еще несколько минут такого «увлекательного» повествования, и половина класса начнет клевать носом! Мне-то нормально — в универе учусь, точнее, учился, а вот остальные...

— Простите, господин... — Толстячок поднял руку. — Можно вопрос?

На мой взгляд, зря он полез со своими вопросами так рано, ну да его дело.

— Господ у нас в классе нет, — несколько резче, чем следовало, ответил Демид Иванович. — Все гимназисты на время обучения равны, а преподаватели считаются старшими товарищами. Филипп, вам давно следует проштудировать уложение нашего княжества. Что касается вашего вопроса... Все вопросы в конце. Если останутся.

Ну да, все, как я и предполагал. Толстячок мгновенно потерял в глазах коллектива очки репутации, а наш, кхм, классный руководитель не упустил возможности показать, кто здесь главный.

— В данный момент мы находимся в княжеской мужской гимназии классического типа. Учитывая то, что большая часть из вас принадлежит к дворянству и великим родам, вряд ли вы задержитесь здесь более трех лет.

Сколько?! Три года?! Ну уж нет! Нет у меня столько времени!

— Моя и ваша цель на ближайший год — раскрыть ваш потенциал, чтобы в будущем вы продолжили обучение в профессиональном комбинированном училище. Военном, Инженерном, Магическом или в одном из их вариаций.

Он взглянул на задние парты, и доносящиеся оттуда шепотки мгновенно утихли.

— Одаренным невместно заниматься торговлей или юриспруденцией, — на этих словах Демид Иванович едва заметно поморщился, — но общий теоретический и практический курсы будут представлены в школьной программе.

Одаренным? Забавно, знать бы еще, что это значит... Нет, у меня, конечно, есть догадки, но...

Демид Иванович, словно прочитав мои мысли, шелкнул пальцами, и перед ним возникла полупрозрачная фигура человечка. Проекторов в классе я не заметил, значит...

— Обратите внимание на эту простенькую иллюзию. Каждый из вас обладает какой-то особенностью, каким-то умением или навыком. Я, например, иллюзионист.

Магия... Класс... Вот это я попал... Хотя чему я удивляюсь, все как в моих снах.

— В ходе обучения мы выявляем вашу склонность к одному из основных путей. Показываете успехи на занятиях по рукопашному бою и тактике — добро пожаловать на путь Воина.

После этих слов за спиной учителя вспыхнул золотой меч.

— Делаете успехи в управлении паровыми машинами или големами — вас ждет почетная стезя Инженера.

За мечом появились и закрутились стальные шестеренки.

— Чувствуете ток энергии и любите швыряться огненными шарами — перед вами открывается бесконечная лестница возвышения Мага.

Под мечом появилась серебряная книга и раскрылась, превращаясь в... крылья?

Демид Иванович немного помолчал, давая нам возможность полюбоваться на иллюзию герба гимназии и осознать сказанное, за что я был ему чертовски благодарен. В голове роились десятки мыслей, и я даже не знал пока, за что хвататься.

— На любом из этих путей можно достичь величия. И именно продвижение по ним и является вашей визитной карточкой.

— Ранг пять-пять-семь... — забывшись, пробормотал я.

— Именно, — кивнул классный руководитель. — Это основная информация о вас, которая находится в дирекции учебных заведений и доступна по запросу княжеской канцелярии, дворянских семей и великих родов.

Про дворян нужно будет разузнать хорошенько, чувствую, для меня это первоочередный источник проблем. Что до возможных путей развития... Знать бы еще, какой выбрать!

— Кто-то из вас уже выбрал свой путь, — Демид Иванович снова прочитал мои мысли, — кто-то только сегодня о нем узнал. В любом случае за этот год мы вместе найдем ваши сильные и слабые стороны и отработаем как теорию, так и практику.

Практику? В ветке Воинов вроде понятно — рукопашка, бой на мечях и всякое такое. Инженеры — будем конструировать паровых големов? Или, что вероятней, чинить какие-нибудь механизмы... А магия? Будем создавать огненные шары и всякие там ледяные сосульки? Занятно.

Я почувствовал, как внутри разгорается огонь предвкушения, и улыбнулся.

— Помимо учебы, каждый из вас должен будет выбрать как минимум три дополнительных секции. И это не считая домашней работы.

Демид Иванович улыбнулся, и мне, как и всему классу, сделалось не по себе.

— Тех из вас, кто планирует отсиживать уроки до обеда, а потом бить баклуши, предупреждаю заранее: отдыхать вы будете только после отбоя.

Еще и продленка... Хотя меня пока что все устраивает. Ну, за исключением трех лет обучения.

— И помните: по окончании обучения каждому из вас будет сделано предложение, соразмерное приложенным усилиям. Достигнете до конца года тройки в одном из пу-

тей — вами совершенно точно заинтересуются дворянские семьи. Сумеете показать гармоничное развитие — ждите приглашения на службу от княжества.

— А роды? — тонко пискнул сидящий справа очкарик.

— А роды за вами уже следят, — усмехнулся Демид Иванович, — но об этом вы узнаете на уроке истории. Сейчас же предлагаю каждому из вас представиться, рассказать о своих увлечениях и о том, как вы здесь оказались. И начнем мы с первой парты.

Классный руководитель посмотрел на меня, а следом за ним на мне скрестились взгляды всего класса.

Здорово, еще и первый...

Поднявшись со своего места, я вышел на середину класса, чем вызвал удивленные шепотки, и откашлялся.

— Всем привет, меня зовут Михаил. — Я пробежался взглядом по своим будущим однокашникам. — Люблю светлое нефильтованное и футбол. Спасибо за внимание.

Как бы уверенно я ни держался, но внутри все равно испытывал некоторое чувство дискомфорта. Любой человек, попавший в новую компанию, с легкостью меня поймет — тут важно каждое слово, каждое движение. И хуже всего не пройти этот отбор на свой-чужой.

Я, конечно, мог рассказать историю своего попадания в этот мир. Описать свои сны и видения. Рассказать про вчерашний день, про гром, молнии и появившуюся передо мной пепельную воронку.

Но что-то внутри меня противилось этому. Я держал все это в секрете несколько лет и сейчас не горел желанием делиться с кем бы то ни было.

— Михаил, — Демид Иванович с интересом посмотрел на меня, — скажите, а зачем вы вышли к доске?

— Чтобы не поворачиваться к вам спиной. — Я недоуменно пожал плечами. — Мы же представляемся, не так ли? Формируем первое впечатление, все дела.

— Первое впечатление? — зачем-то уточнил Демид Иванович, хотя по его взгляду было видно: он прекрасно понял, что я имею в виду.

— У нас говорят, — я щелкнул пальцами, вспоминая любимую поговорку Алексея Александровича, своего учителя по литературе, — нет второго шанса произвести первое впечатление.

— Любопытно, — протянул классный руководитель и указал на мое место. — Садитесь, сударь.

Я коротко кивнул, не зная, как отвечать правильно, и направился к своей парте, ощущая на себе внимательный взгляд мужчины.

— А еще Михаил, — Демид Иванович дождался, пока я сяду на свое место, — форточник.

По классу тут же пронесся гул, и на мне скрестились десятки заинтересованных взглядов.

И чего это они? Будто бы не знали!

Я не хотел об этом распространяться — мало ли какие здесь обычаи, — ну да ладно. По крайней мере, с репутацией у меня пока что полный порядок.

— Из какого мира он к нам попал, неизвестно, — продолжил классный. — Но одно точно: магии там нет от слова «совсем».

По классу пробежался повторный гул, вот только на этот раз настроение одноклассников мне не понравилось. Не знаю, как объяснить, но, когда твоя репутация начинает падать в глазах окружающих, это чувствуется. Будто туча какая набегаёт.

— Да, все верно, — Демид Иванович кивнул классу. — Михаил — нулевка. Ранг один-один-ноль.

ГЛАВА 2

Не знаю, насколько это плохо, но «нулевка» звучит жутко неприятно.

Я внимательно посмотрел на нашего классного руководителя. Не ожидал я такой подставы от вас, Демид Иванович, не ожидал...

— Я понимаю ваше желание утаить информацию о себе, — невозмутимо продолжил не очень-то и классный классный, — но во время калибровки у стелы рекомендую не упорствовать.

Он обвел взглядом притихший класс.

— Чем сильнее и четче вы опишете ваш жизненный путь и обрисуете накопленный опыт, тем выше вероятность получить действительно ценный навык или умение, которое будет нивелировать вашу слабость.

Надо же, нивелировать!

Большая часть ребят тут же заскучала, не в силах удержать в памяти начало и конец предложения, я же слушал очень внимательно. Ни в жизнь не поверю, что публичное унижение меня любимого и прилетевший следом пространный спич про компенсацию слабых мест не связаны. Знать бы еще, в чем интерес самого Демида Ивановича...

— Следующий!

Сидящий за мной парень судорожно выдохнул, поднялся на ноги, отчего-то покосился на меня и деревянной походкой направился к доске.

Я же взял карандаш и открыл блокнот. Память у меня хоть и хорошая, но записать краткую характеристику каждого из своих одноклассников лишним не будет.

— Ну-у-у, я это, — начал здоровяк, не зная, куда деть свои руки. — Меня Мироном кличут. Воины мы. Из гильдии, значит. Люблю с металлом работать, ну и драться.

Он вопросительно уставился на Демида Ивановича, на что последний поощрительно улыбнулся.

— Продолжай, Мирон. Что еще можешь о себе сказать?

— Ну, — задумался здоровяк, — ранг могу. Два-один-один.

— А зачем ты здесь, Мирон?

— Ну, это... — Мирон нахмурился и сцепил руки в замок с такой силой, что костяшки побелели. — Отец с задания вернулся шибко раненный, ну а гильдия лекаря зажала. Ну, я подумал-подумал и решил, что не хочу такого обращения.

Здоровяк мрачно посмотрел на учителя.

— В общем, в род хочу или даже в клан дворянский. Чтобы по справедливости было. Чтобы семье помочь. Вот.

Мирон еще больше нахмурился и чуть ли не бегом устремился к своему месту.

— Молодец, Мирон, — серьезно произнес Демид Иванович. — Видно, что говорить не приучен, обмануть тебя, деревню, легче легкого, но зато переборол себя и вон какую речь толкнул.

Я наскоро записал в блокнот краткую характеристику здоровяка: «Мирон, два-один-один. Гильдейский, кузнец. Проблемы с семьей, хочет в род», — и задумался над словами классного руководителя.

Ведь Демид Иванович хоть и поддержал Мирона, но, опять же, ткнул носом в его слабость. А всему классу практически открытым текстом поведал о доверчивости парня.

— Мое имя Валерон. — Пока я думал, к доске вышел следующий одноклассник. — Род Воронцовых.

Этот, несмотря на смешное имя, держался с достоинством и некой вальяжностью, что ли.

— В гимназию пришел, — ресницы парня едва заметно дрогнули, — чтобы найти хорошую партию. Мой ранг один-один-два. Увлекаюсь...

— В смысле партию? — прогудел Мирон. — Здесь же одни пацаны!

Да уж, действительно деревня. Мало того что мгновенно нажил себе врага в лице покрасневшего Валерона, так еще и перед остальными в своей глупости расписался...

— Во-первых, Мирон, — отчеканил Демид Иванович, — мы не перебиваем своих товарищей. Во-вторых, с пацанами, как вы выразились, вы будете учиться до инициации, после чего перейдете в смешанные классы. Более того, женская гимназия расположена напротив, и некоторые дополнительные занятия у вас будут проходить совместно.

Что дубина-Мирон, что ищущий партию Валерон были мгновенно позабыты, и все парни, включая меня, довольно заулыбались. Шутка ли — учиться без девчонок!

Они, конечно, существа странные и загадочные, но жутко интересные!

— Ну, а в-третьих... — Демид Иванович выразительно посмотрел на здоровяка. — Лучше молчать и слыть идиотом, чем заговорить и развеять все сомнения.

Жестко. Даже жестоко. Но, думаю, справедливо. Мирон, похоже, до сих пор не понимает, что с дворянами шутки плохи. И одно дело — идти на конфликт, когда нет выбора, как я, другое — наживать себе врагов на ровном месте.

— Продолжайте, Валерон. — Классный руководитель отвел взгляд от покрасневшего как рак здоровяка и кивнул стоящему у доски парню.

— Благодарю, Демид Иванович. — Одноклассник отвесил небольшой, но учтивый поклон. — Увлекаюсь тактическими играми, алхимией и разведкой. Моя слабая черта...

Он покосился на учителя, на что тот благосклонно кивнул.

— ...угасающий род. Из-за чего я, собственно, и ищу хорошую партию.

— Молодец. — Демид Иванович с уважением посмотрел на парня. — Но Валерон еще забыл добавить, что для дворянина он скверно обращается со шпагой. Следующий!

Мой блокнот пополнился еще одной записью: «Валерон Воронцов, один-один-два. Тактика, алхимия, разведка. Род угасает, плохо фехтует», — и я с интересом поднял взгляд на вихрастого пацана, который вылечил Пылаева.

— Всем здравия. — Вихрастый обозначил губами улыбку. — Меня зовут Василий Пожарский. Мне, как и большинству здесь присутствующих, четырнадцать лет. Увлекаюсь природой, целительством и големами. Род угас до такой степени, что родовая способность не пробудилась. Ранг один-два-два.

— А еще Василий забыл упомянуть про долги своей семьи, — безжалостно добавил Демид Иванович. — Садитесь, сударь.

Я наскоро набросал в блокнот: «Василий Пожарский, один-два-два. Природа, големы, целитель. Долги, род угас, нет родовой способности».

— Следующий!

— Мм... — Тощий очкарик обогнул свою парту да так и замер, вцепившись в столешницу мертвой хваткой. — М-мило-слав. Из в-вольной семьи часовщиков. Л-люблю чинить часы и прочие м-механизмы. Ранг один-т-три-один.

Ого, а парень-то хорош, выходит! Препад вроде как говорил, что тройка в ранге — это хороший результат к концу года...

— Что-то еще, Милослав? — невозмутимо уточнил Демид Иванович.

— С-способностей у меня нет, — тут же погрузстнел паренек, — н-ни одной.

— Садитесь, Милослав. — Классный руководитель великодушно позволил часовщику вернуться на место. — Вы забыли сказать, что вас соплей перешибить можно.

Очкарик густо покраснел, а с задних парт слышались смешки.

«Милослав, один-три-один. Часовщик, слабак, заика».

— Следующий, — холодно произнес Демид Иванович, и смешки обрезало будто ножом.

Одноклассники вставали и рассказывали о себе, а мой блокнот пополнялся записями.

«Иван Толстой, два-два-один. Тактик, стратег, фехтовальщик, стрелок. Отец проигрался в карты. Сам Иван убил студента на дуэли.

Игорь Прокудин-Горский, два-один-два. Тактик, фехтовальщик. Умение «Каменная кожа». Семья в опале у князя.

Федор Безухов, два-один-один. Кулачный боец, силач. Обожает булочки. Торговые связи с соседним княжеством.

Петр Волконский, два-один-два. Стратег, семья владеет мануфактурой. Умение «Огненные кулаки». Прыщи на лице и на спине».

Встретилась еще одна «тройка». Ею оказался высокий парень болезненного вида, который до последнего не хотел сознаваться в своей слабости. Пришлось Демиду Ивановичу ему помочь.

«Роман Дубровский, один-один-три. Интуит, хорошая память, сильная родовая способность. Комплексует из-за внешности, влюблен в некую Юлиану».

Некоторые из одноклассников имели практически безупречную репутацию и безобидные слабости: «Дмитрий Уваров, два-один-два. Стратег, оратор. Боится высоты».

Или: «Павел Меньшов, два-два-один. Тактик, стрелок, помощник младшего Инженера. Падает в обморок при виде крови».

И даже: «Александр Горчаков, два-один-два. Тактик, лесник, пограничник. Слоупок».

Разумеется, наш классный выразился другими словами, но я сократил так, чтобы понятно было именно мне. Кстати, по Александру было заметно, что общение дается ему с трудом. Явно не мастер словесных баталий. Зато такие, как он, в бою и в лесу чувствуют себя как рыба в воде.

К слову, если бы не блокнот, все эти имена, ранги, лица, сильные и слабые стороны давным-давно слились бы в одну мутную карусель. Кто-то вообще не оставался в памяти, отображаясь в блокноте лишь парой скупых строк, кто-то вызывал интерес, и рядом с его именем я ставил знак вопроса.

Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что будет дальше. Учеба, притирание друг к другу, раздел сфер влияния. Поиск друзей и всякое такое. Ну а мне после ссоры с местной золотой молодежью нужно как-то обезопасить себя. И я видел единственный вариант — сколотить вокруг себя свою компашку. Одиночки в коллективе долго не живут. Это я знаю лучше других. Был определенный опыт в десятом классе...

Ну и самое главное — нужно не просто подружиться с ребятами, а сделать так, чтобы парни в моей группе оказались друг другу полезны. Для этого мне и пригодятся запи-

си о каждом из моих одноклассников. Надо будет потом еще гербы зарисовать...

Очередь тем временем дошла до Громова и его друзей, которым я, по понятным причинам, решил уделить особое внимание. Врага нужно знать в лицо.

— Дмитро Громов, старший наследник рода. — Вышедший к доске блондин подарил мне многообещающий взгляд. — Ранг два-два-два. Будущий глава рода Громовых. Фехтую, стреляю, самостоятельно управляю личным паромобилем. Моя сила — в реакции и контроле воздушной стихии. Моя слабая сторона — не прощаю нанесенных мне обид!

И еще один многообещающий взгляд.

Ей-богу, я с трудом удержался, чтобы не прокомментировать его, хе-хе, молниеносную реакцию! Вместо этого записал краткую характеристику блондинчика: «Дмитро Громов, два-два-два. Мажор, дуэлянт, воздушник и... пакостник».

— В общем, мстительный, самоуверенный и неприятный тип, — подытожил Демид Иванович, не обращая внимания на испепеляющий взгляд Громова. — Один в один как папаша.

Я мысленно поаплодировал классному, но, оказалось, что он еще не закончил.

— И да, уважаемый Дмитро, запомните, что на свете есть вещи, которые нельзя купить.

Громов пренебрежительно хмыкнул и вальяжно вернулся за свою парту, по пути намеренно толкнув безродного очкарика Милослава.

— Следующий.

Очередь перекинулась на первую парту третьего ряда, за которой сидел толстячок Филипп. Он поспешно кивнул, выкатился в центр класса и затараторил:

— Всем здоровычка! Меня зовут Филипп Крудау, мне пятнадцать лет, я увлекаюсь арифметикой, геометрией и счетными книгами. В княжестве мы с семьей живем уже третий год, и у меня есть очаровательная сестренка, кото-

рой вот-вот стукнет два года. Мой ранг один-два-один, и у меня совершенно нет минусов!

Под конец своей речи Филипп настолько обаятельно улыбнулся, что я, не удержавшись, хмыкнул. Интересно, что Демид Иванович скажет про этого парня?

Классный не разочаровал.

— Во-первых, Филипп, минусы есть у всех. А во-вторых, их у вас как минимум три. Первый — ваша семья. Несмотря на рождение сестры, вы считаетесь перебежчиками из другого княжества. Следовательно, в сильный род вас никто не возьмет. Второе — нулевая боевая подготовка и отвратительная физическая форма.

Демид Иванович сокрушенно покачал головой и показательно кивнул на упитанные бока Филиппа.

— А третье? — не удержался ничуть не смутившийся толстячок.

— Третье? — Классный руководитель посмотрел на стоящего перед классом толстячка. — Третье — самое страшное. Вы, сударь, болтун!

Класс тут же захихикал, Филипп пристыженно юркнул на свое место, а я заскрипел карандашом: «Филипп Крудау, один-два-один. Счетовод, слабак (?), болтун, неблагонадежная семья».

— Следующий!

Следующим шел Пылаев.

— Аден Пылаев, — хмуро процедил рыжий. — Ранг два-один-два. Владею огненными техниками и силой рода. Минусов нет.

— Вспыльчивый, из-за излишней желчи — проблемы с печенью и желудком, — невозмутимо заметил Демид Иванович. — Ну и самое главное... рыжий.

— Это-то тут при чем? — Аден тут же покраснел, что при его цвете волос и обилии веснушек было явно противопоказано.

В классе раздались приглушенные смешки, и рыжий мгновенно полыхнул:

— Что смешного?!

— Садитесь, Аден, — голос классного руководителя немного остудил Пылаева, — и подумайте вот о чем. Кого будут выцеливать вражеские стрелки? Незаметного офицера, одетого в солдатскую шинель, или полыхающего на весь лагерь огненного мага?

Я слушал Демида Ивановича, кивал, соглашаясь с его словами, и не забывал заносить в блокнот информацию о вспыльчивом однокласснике: «Аден Пылаев, два-один-два. Огневик, сила рода, легко вывести из себя, желчь, печень. Рыжий».

— При чем здесь...

— Я не просил отвечать, — холодно бросил учитель. — Я просил подумать. Следующий!

Далее шли трое ребят откровенно скандинавской наружности, и имена у них были под стать.

«Бранд Кроу, два-один-два. Мечник, «Каменная кожа», варяг, родовой способности нет, глух на правое ухо.

Ингвар Кроу, два-один-два. Мечник, «Каменная кожа», варяг, родовой способности нет, немой.

Фрост Кроу, два-один-два. Охотник, «Ледяной щит», варяг, родовой способности нет, гордый».

За Ингвара говорил Фрост, и, как я понял из комментариев классного руководителя, эта троица относилась к наемному клану северян, которые осели в княжестве и решили окончательно ассимилироваться в местном обществе. Вот только, несмотря на их высокие воинские качества, Демида Иванович не видел северян среди выпускников гимназии.

— Упрямые вы, — поморщился учитель, — не готовы меняться. Фрост и вовсе себя чуть ли не архимагом считает. На первых порах у вас, несомненно, будет преимущество, но спустя полгода любой из них, — Демида Иванович кивнул почему-то на меня и очкарика Милослава, — под орех вас разделает.

Фрост хотел было что-то сказать, но классный лишь махнул рукой.

— Последний, и идем на калибровку, а потом на обед!

В животе мгновенно заурчало, и я неожиданно вспомнил, что с утра ничего не ел. Но последнего одноклассника тем не менее слушал внимательно.

— Антуан Ги'Дэрека. Мой ранг два-два-два, — говорил Антуан с достоинством, но без самолюбования. — Наша семья — опора княжества и вассалы Громовых. Иду по пути познания воды и льда. Из слабостей...

Парень обвел класс взглядом, задержав свой взгляд на Пылаеве, Волконском и отчего-то Мироне.

— ...боюсь сгореть заживо.

— Что ж... — Демид Иванович едва заметным кивком отпустил Ги'Дэрека на место. — Хорошо сказал, Антуан. Сколько в вассалах вам еще ходить?

— Два года, — невозмутимо отозвался парень, но мне показалось, что голос его едва заметно дрогнул.

— А потом что? — полюбопытствовал Демид Иванович.

— Ничего, — так же ровно ответил Антуан. — Главу все устраивает.

— Дядя всюю осваивает бюджеты Громовых, — понимающе кивнул учитель и обратился уже ко всему классу: — Помните, что по окончании учебы у каждого из вас будет возможность выбора: княжество, дворянская семья или один из великих родов.

— Свой род предавать — последнее дело, — негромко ответил Антуан, но услышали его все без исключения одноклассники.

— На что только не пойдет одаренный в погоне за силой, — криво усмехнулся классный, задумчиво барабанив пальцами по столу.

Я же, пользуясь заминкой, заработал карандашом: «Антуан Ги'Дэрека, два-два-два. Вода, лед, вассал Громовых, род связан с князем. Бойтся сгореть заживо. Человек чести?»

— Ну что, судари? — Демид Иванович поднялся из-за стола и вопросительно посмотрел на нас.

На этот раз подсказок не потребовалось, и класс поднялся почти синхронно.

— По расписанию мы с вами должны идти в столовую, а оттуда — к стеле, но мы сделаем наоборот — на голодный желудок калибровка лучше идет.

Наш новоиспеченный классный руководитель внимательно посмотрел на каждого из нас.

— Постарайтесь во всех деталях вспомнить, как вы сюда попали, и четко сформулируйте, зачем вы здесь. И помните: чем честнее вы будете, тем богаче получите дар.

Он одернул свой сюртук, подошел к дверям и подмигнул вроде как всем и в то же время мне лично.

— Тысячи простых людей мечтают о калибровке. Сотни одаренных шлют прошения на имя князя о поступлении в гимназию, но в этом году повезло именно вам. Не упустите свой шанс.

От его слов у меня по спине пробежали мурашки, а Демид Иванович, кивнув сам себе, распахнул двери и негромко бросил:

— В колонну по два! И за мной!

ГЛАВА 3

Как-то само собой получилось, что я оказался в конце колонны. Сначала думал о словах классного руководителя, потом прогонял в голове прошедший урок.

— Ты правда форточник? — прогудел идущий рядом Мирон.

Уж не знаю, как так получилось, но гимназисты действительно построились в колонну по два и теперь старательно соблюдали построение.

Я, по идее, как сидящей на первой парте, должен был идти с Мироном предпоследним. Вот только Воронцов с Пожарским не только прошмыгнули передо мной с Мирон, но еще и оттеснили назад заморыша Милослава.

Ну а когда в пару к дрыщу Милославу встал пухляш Филипп, я лишь усмехнулся. Ожидаемо.

Аутсайдеры, то бишь безродные — назад, ну а цвет княжества или, другими словами, Громов со своими друзьями — вперед.

С одной стороны, обидно, с другой — мне же лучше. Будет время разобраться, что собой представляет эта калибровка.

— Не хочешь — не говори, — обиженно прогудел здоровяк, про которого я и забыл, с головой погрузившись в просчитывание текущих раскладов.

— Извини, Мирон, — тут же отозвался я, — задумался просто. Непривычно пока.

— Ну дык, — здоровяк хлопнул меня по плечу, отчего я чуть не присел, — надо понимать! Что, правда магии нет? А твой мир — он вообще какой? И как ты к нам попал?

От вопросов одноклассника навалилась такая беспросветная тоска, что захотелось выть на луну.

Такое иногда бывает. Прилетаешь ты, к примеру, в чужую страну и поначалу ведешь себя так, будто сто раз видел эти небоскребы и пальмы. А потом кто-то тебя о чем-то спрашивает на английском, и тебя накрывает. Вот как раз вопросы Мирона и оказались тем самым триггером.

Я... в другом... мире. Все, что мне снилось, все мои видения, над которыми смеялись лучшие друзья, все это оказалось правдой.

— Мирон... — Я посмотрел здоровяку в глаза. — Мне пока тяжело не то что говорить, даже думать на эту тему. Я тебе все обязательно расскажу, только позже, ладно?

— Ладно, — недовольно прогудел одноклассник. — Что ж мы, совсем без понятия, что ли? Интересно просто.

— Очень, — подтвердил повернувшийся к нам Филипп. — Чрезвычайно!

Милослав промолчал, но, судя по шевелению его ушей, пацан одновременно и стеснялся присоединиться к беседе, и сгорал от любопытства.

— Расскажу, мужики, — пообещал я. — Вот только позже.

— Ты бы, Михаил, полегче со словами, — поморщился Филипп. — Ладно эти двое, но я-то дворянин! Пусть моя семья и перебежчики, но мужиком меня называть...

— Прости, — я невозмутимо пожал плечами, — просто в моем мире дворян, считай, нет.

— Как это так? — тут же заинтересовался толстячок. — А кто тогда вершит политику и направляет общество к самосовершенствованию?

— Позже расскажу, — усмехнулся я, справедливо считая, что капиталистический уклад моего мира окажется для этих ребят потрясением. — Вы мне лучше скажите, что за калибровка-то?

— Тебе, когда вчера нашли, амулет дали?

— Дали, — кивнул я, машинально прикоснувшись к металлическому кругляшу, висевшему на шее.

Кругляш мне дал Агапыч, знаками показав, что его нужно надеть на шею.

— Голова болела?

— Болела, — подтвердил я, вспомнив вчерашний приступ мигрени, который случился после того, как я надел амулет

— Зато сейчас ты по-человечески говорить можешь, — снисходительно пояснил Филипп и тут же поспешно добавил: — Только не спрашивай, откуда они взялись!

Видать, толстяк заметил вспыхнувший у меня в глазах огонек интереса.

— Говорят, их придумали Древние, — вместо него ответил Мирон, — ну а мы до сих пор пользуемся. Удобная штука. Помогает выбирать, ну... это... дальнейший путь развития.

— Это как? — заинтересовался я, не забывая запоминать дорогу.

— Вот выбрал ты, к примеру, путь Воина, — с явным удовольствием затараторил Филипп, — тренировался упорно и в какой-то момент взял следующий ранг.

— Погоди, — я прервал словоохотливого толстячка, — а как понять, что я ранг взял?

— Ты поймешь, — прогудел Мирон, который вместе с Милославом с интересом слушал Филиппа. — Невозможно не понять.

— Точно поймешь, — подтвердил Филипп. — Словами сложно описать, но по тебе как будто внутренняя дрожь пробежит.

— Или озноб хватит, — добавил здоровяк.

— Или б-бабочки в животе порхать н-начнут, — робко добавил Милослав, с опаской покосившись на Филиппа.

Тот одобрительно кивнул очкарику и продолжил:

— В общем, поймешь, что ранг взял. А вот потом самое интересное начинается. Как понять, куда дальше двигаться? Тело укреплять или владение оружием совершенствовать? Атаку усиливать или в защиту идти?

— И как? — заинтересовался я.

— Вот амулет и помогает понять! — нравоучительно заметил Филипп.

— И стела, — веско добавил Мирон.

— И м-места силы, — дополнил Милослав.

— Говорят, — толстяк не обратил на комментарии одноклассников никакого внимания, — некоторые даже древо навыков видят...

— Или текст, — почему-то шепотом произнес Мирон.

— У каждого по-разному проявляется, — кивнул Филипп. — Кто-то голос слышит, кто-то сердцем чует, кто-то картину перед собой видит.

— То есть калибровка... — протянул я, начиная догадываться, куда мы идем всем классом.

— Калибровка — это три в одном, — авторитетно заявил толстяк. — Это и стела, и место силы, и твой амулет!

— И там м-можно получить с-сильный дар, — мечтательно протянул Милослав.

— Мы, кстати, почти пришли, — заметил Филипп. — Вон те колонны окружают место силы гимназии. А в центре княжеская стела стоит.

— Красиво... — согласился я, с интересом разглядывая колонны, выставленные полукругом.

На мгновение на меня накатило дежавю. Будто бы я на секунду очутился в сером, промозглом Питере в Павловском саду перед колоннадой Аполлона.

— Любо! — прогудел Мирон, а Милослав согласно кивнул, отчего его очки съехали на нос.

— Внимание, класс!

Демид Иванович хоть и стоял в начале колонны, но его голос слышали все гимназисты. Да и колонна, если честно, как-то смазалась, превратившись в обычную толпу любопытных мальчишек.

— Подходим по одному, касаемся стелы и вспоминаем, как сюда попали. — Класный не поленился еще раз напомнить порядок действий. — Четко формулируем, зачем мы здесь и чего хотим. И помните: чем честнее исповедь, тем богаче дар.

Он требовательно посмотрел в глаза каждого из нас и нахмурился.

— Всем понятно?

Дождавшись нестройного ответа, Демид Иванович покачал головой и пригласил стоящего впереди Громова:

— Дмитро.

Блондин сосредоточенно кивнул и вступил под сень колоннады. Дойдя до стелы, он коснулся ее левой рукой, наклонил голову и что-то зашептал.

— А что это он бормочет? — поинтересовался я у Филиппа.

— Текст древнего ритуала, который нужно произносить при калибровке, — охотно прошептал толстячок. — Но тебе его бесполезно сейчас учить, только хуже можешь сделать.

— Понятно...

Стоял Громов долго, минут пять.

Затем в какой-то момент среди колонн поднялся ветер, и во все стороны полетели желтые листья.

Машинально отметив про себя, что на дворе стоит, по всей видимости, осень, я впился взглядом в фигуру блондина. По ней прошла прозрачная рябь, которая в какой-то момент превратилась в слабенький вихрь. Увиденное, при-

знаться, немного разочаровало. Я ожидал увидеть буйство стихии, услышать гром и треск молний. А тут... какой-то ветерок...

Но все вокруг неожиданно захлопали, а Демид Иванович обрадованно провозгласил:

— Стихия откликнулась! Дмитро Громов, поздравляю вас с получением сразу двух навыков: «Воздушный кулак» и «Грозовой хлыст»!

Довольный блондин не преминул горделиво посмотреть на нас и, повинувшись взмаху классного, направился к высокому трехэтажному зданию, больше похожему на музей.

— В столовую пошел, — с плохо скрываемой завистью прокомментировал Филипп. — А мы можем на обед не успеть...

— Антуан.

Гимназисты по очереди подходили к стеле, касались ее то одной, то двумя руками и стояли так несколько минут.

Процесс их общения со стелой сопровождался едва заметными третьесортными спецэффектами и негромкими комментариями Филиппа.

— О, стихия откликнулась! Это хорошо, повезло Волконскому! Уваров получил «Точный удар», теперь все дуэли его будут... Ух ты, Воронцов призрачного фамильяра получил! А говорил, род угасает...

Я честно пытался запомнить, но в какой-то момент плюнул, положившись на неумное любопытство Филиппа, и принялся рассматривать своих одноклассников. Особенно меня интересовали родовые и дворянские нашивки. А точнее, разница между этими понятиями.

Род, дворянство, клан, семья — все это в моем понимании было практически одно и то же. На деле же... На деле же все оказалось немного запутанней. Хорошо рядом был Филипп, который с удовольствием взялся меня просвещать.

Оказалось, что обычный род есть у каждого человека — не важно, одаренный он или нет. Отец, мать, бабушка, дед, дяди, тети, кузены и всякое такое. А другой род, если по-

просто, — это влиятельная семья одаренных, которая ведет свою родословную на протяжении столетий. Чтобы не путаться, местные называют такие семьи малыми, средними и великими родами. По идее, любой одаренный может основать новый род, вот только пройдет очень много времени, прежде чем он сравнится по силе с одним из старых. Поэтому такое хоть и разрешается, но не практикуется.

Малые, средние и великие роды и просто роды — это становой хребет любого княжества. Большинство Воинов, Инженеров и Магов воспитываются именно здесь. Каждый член рода считается вольным гражданином и признает над собой только одну власть. Главу своего рода.

А вот дворяне — это уже немножко другое. Вроде тот же самый великий род (или клан, как их еще называют), но уровнем повыше. Больше льгот, больше бонусов, больше прав, но и в разы больше требований. И если роды заседают в Большом круге, что-то типа нашей Думы или, скорей, органа местного самоуправления, то дворяне выносят и принимают предложения в Ближнем круге князя. И вопросы, поднимаемые в Ближнем круге, касаются в том числе и внешней политики княжества.

Вот только я все равно не мог понять, откуда взялось такое искусственное разграничение. Увы, четырнадцатилетний гимназист мало чем мог мне помочь. Буду надеяться на обещанные уроки истории. Думаю, учителя в гимназии знают всяко больше, чем балабол Филипп.

В любом случае пока что вырисовывалась неприглядная картинка. Мне, чтобы сделаться значимой фигурой, нужно или становиться человеком князя, или идти на поклон либо к родовичам, либо к дворянам. Вот только терять свою независимость жутко не хотелось.

— В общем, без ста грамм не разберешься, — попыток я, выслушав пространственные разглагольствования Филиппа.

— Это еще ерунда, — усмехнулся толстячок. — Вот там, где я раньше жил... Там сам ксур ногу сломит!

— Слушай... — В голове забрезжила смутная мысль. — А зачем вообще существует эта гимназия, если дворянские семьи и роды сами обучают одаренных?

— Ну-у-у, — смутился Филипп, — тут элитарное образование. Калибровка, опять же!

— Это большая удача, — прогудел Мирон.

— Р-редкий шанс, — подтвердил неожиданно осмелевший Милослав.

Но стоило мне оглядеться по сторонам, как стала понятна причина его смелости. Единственные из класса, кто остался у колоннады, были мы вчетвером.

— Михаил, — классрук с интересом покосился на нашу стихийно образовавшуюся компашку, — к стеле.

— Демид Иванович, — я мгновенно вынырнул из своих мыслей и обратился к учителю, — разрешите пойти последним.

— Причина? — В глазах классрука промелькнул не то интерес, не то скука.

— Не хочу задерживать товарищей.

— Значит, не задерживай, — невозмутимо отозвался учитель и кивнул на стелу. — Ступай.

Ну о'кей.

Не знаю, отчего я хотел пойти последним. То ли боялся идти в столовую к дворянчикам, что вряд ли. То ли опасался самой стелы... Так или иначе, я подошел к каменной игле и положил на нее обе руки.

Внимание!

Перед глазами побежали едва различимые буквы, и я неосознанно коснулся стелы лбом, а потом прижался к ней всем телом.

Надпись тут же налилась цветом:

Внимание! Приступить к калибровке?

Да/нет?